Тарасов Олег Владимирович

ФИЛОСОФИЯ КАК ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: НЕКЛАССИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

В статье рассматривается вопрос о познавательном статусе философии в свете основных неклассических подходов к его решению. Выделяются и анализируются три таких подхода: антисциентистский, антисубстанциалистский и научно-позитивистский. Обосновывается следующее. Антисциентизм и антисубстанциализм в силу своего абсолютизаторского характера являются ценностно и эмоционально возвышенными, но когнитивно неэффективными. Научно-позитивистский подход благодаря своему эмпирическому характеру является ценностно и эмоционально ослабленным, но когнитивно (равно творчески) действенным, что означает возможность адекватного обсуждения познавательного статуса философии только в рамках данного подхода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/9/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(83) С. 188-191. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 101
Философские науки

В статье рассматривается вопрос о познавательном статусе философии в свете основных неклассических подходов к его решению. Выделяются и анализируются три таких подхода: антисциентистский, антисубстанциалистский и научно-позитивистский. Обосновывается следующее. Антисциентизм и антисубстанциализм в силу своего абсолютизаторского характера являются ценностно и эмоционально возвышенными, но когнитивно неэффективными. Научно-позитивистский подход благодаря своему эмпирическому характеру является ценностно и эмоционально ослабленным, но когнитивно (равно творчески) действенным, что означает возможность адекватного обсуждения познавательного статуса философии только в рамках данного подхода.

Ключевые слова и фразы: познавательный статус философии; антисциентизм; антисубстанциализм; абсолютизаторская философия; научно-позитивистская философия; равноправие типов философствования.

Тарасов Олег Владимирович, к. филос. н.
Башкирский государственный университет (филиал) в г. Стерлитамаке
ovtarasov@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ КАК ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: НЕКЛАССИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Вопрос о познавательном статусе философии, появившийся вместе с так называемыми неклассическими видами философствования еще в XIX веке (Шопенгауэр, Конт, Ницше и т.д.), не теряет своей актуальности и в начале XXI века. То, что не вызывало сомнения у самых выдающихся мыслителей от Платона и Аристотеля до Гегеля и Маркса, – философия есть высший, образцовый для «частных» наук, род познания в силу абсолютной высоты предмета своего изучения – постоянно так или иначе отрицается ради утверждения иных ролевых статусов философии, не связанных с классическими подходами. Поскольку результаты неклассических переосмыслений характера философской деятельности неоднозначны (как, впрочем, неоднозначна и классика), возникает проблема упорядоченного рассмотрения хотя бы наиболее авторитетных из них. Мы попытаемся в общих чертах наметить пути такого рассмотрения.

На наш взгляд, можно говорить о трех основных неклассических подходах к решению вопроса о познавательном значении философии, конечно, отвлекаясь от того, что все они включают в себя трудноопределимое число разновидностей и порой сложно переплетаются. Первые два из них являются абсолютизаторскими, как и два важнейших классических подхода – древний традиционалистский (от платонизма до неотомизма) и новоевропейский прогрессистский (особенно марксизм). Первый неклассический подход удобно назвать антисциентизмом, поскольку его очевидная особенность состоит в низкой и часто негативной оценке отрываемой от философии науки как не просто недостаточного, сравнительно с философией, способа познания, но и существенно чуждого и противоположного ей по своим целям и предназначению. Субстанциализм классики при этом полностью сохраняется, в силу чего антисциентистская модель философии оказывается все-таки достаточно близкой классическим моделям. Примерами здесь могут служить концепции А. Бергсона (прогрессистский вариант антисциентизма) и М. Хайдеггера (традиционалистский вариант антисциентизма). Так, с одной стороны, в концепции Бергсона утверждается сверхинтеллектуальный интуитивный характер философии, достигаемый в редких случаях лишь благодаря тому, что человек иногда превосходит «самого себя» в качестве «разумного существа». Интуиция как наивысшая из человеческих сил, которая могла бы ввести нас «внутрь самой жизни» (внутрь «абсолютного»), определяется философом как «инстинкт, ставший бескорыстным, осознающим самого себя, способным размышлять о своем предмете и расширять его бесконечно». Но, с другой стороны, интуиция и интеллект все-таки не противопоставляются Бергсоном радикально. Так, интеллект изначально не является специализированным, не сужен «до определенного предмета», как инстинкт, и поэтому, хотя интеллектуальное познание «и появилось на свет ввиду практической полезности», «не ограничивается только тем, что полезно практически». Именно благодаря развитию этого бескорыстного аспекта интеллекта «разумное существо» «может превзойти самого себя», может «разбудить дремлющие… интуитивные возможности». В конце концов, не что иное, как наука – творение интеллекта – «побуждает философию смотреть на вещи по-иному», то есть интуитивно [1, с. 163, 183, 185, 189, 324-325, 346].

У Хайдеггера также нет радикального отрицания классики. Опять же, с одной стороны, философия как «бытийное мышление» сперва жестко противопоставляется оперирующему логикой предметному рассмотрению сущего, или «расчетливому мышлению», считающемуся с сущим «единственно в образе поставимого и потребляемого», без какого-либо уважения к его самостоятельности и собственному достоинству. Иначе предметное рассмотрение – это «представление», и по тому, в каком негативном ключе Хайдеггер говорит о нем, можно понять его позитивную, прямо здесь не высказываемую, оценку бытийного мышления. «Представление, – по словам философа, – уже не выслушивающее восприятие присутствующего, к чьей непотаенности принадлежит и само это восприятие… Представление – уже не раскрытие себя вещам, а схватывание и постижение. <…> Представление есть наступательное, овладевающее о-пред-мечивание». Опредмечивающее представление бессильно перед тем, что «явно есть в сущем и указывает на потаенное бытие», т.е. перед тем, что открывается бытийному мышлению. Вся «несостоятельность наук», конечно, отсюда, из того, что

именно наука, научная теория «нацелена на предметное противостояние действительного», тогда как «то, чем нечто является в своем бытии, не исчерпывается предметностью» [12, с. 39-40, 59, 62, 212, 245, 249]. Поскольку наука – это важнейший проект метафизики, то, прежде всего, о метафизике с ее «представляющей мыслью» говорится, что она «с необходимостью и потому постоянно» лишь «высказывает бытие», но «не дает слова самому бытию». Именно по этой причине «бытийное мышление» понимается философом как «преодоление» всей прежней метафизической традиции, что означает «воспоминание о самом бытии», означает, что человек «повернется к истине бытия и попытается найти себя в ней». Однако, с другой стороны, преодоление метафизики толкуется философом и как ее «превращение», поскольку «мысль, думающая об истине бытия», хоть и «не довольствуется больше метафизикой; но она мыслит также и не против метафизики». Иначе, наверное, невозможно. Ведь, в конце концов, согласно Хайдеггеру, не только «сущностная мысль есть событие бытия», «принадлежит бытию», выводится им «на ее путь», но и «абсолютная метафизика (гегелевская, хотя из контекста ясно, что не только гегелевская. – *О. Т.*) вместе со своими перевертываниями у Маркса и Ницше принадлежит истории бытийной истины» [Там же, с. 28, 29, 39, 194, 204-205, 207]. Таким образом, ясно, что антисциентизм в целом сохраняет познавательный статус философии, но, в отличие от классических подходов, трактует его в отрыве от научно-логического, научно-интеллектуального способа познания, заменяя интеллект и логику науки такими средствами, как интуиция, выслушивающее восприятие и т.п.

Второй неклассический подход к вопросу о когнитивной роли философии можно назвать антисубстанциализмом, так как его отличительной чертой является отрицание какого бы то ни было сущностного основания эмпирических явлений, как бы ни понималось это основание – познаваемым рациональными или иррациональными средствами или непознаваемым в принципе. При этом данный подход формируется и развивается в ряду абсолютизаторских. Дело в том, что в нем все-таки чрезмерно гипертрофируется творческая деятельность эмпирического субъекта, особенно философствующего. Как и в классике, здесь с большей или меньшей силой и последовательностью отрываются друг от друга и противопоставляются два вида деятельности – творческая и познавательная. Но если в классических моделях высшей деятельностью считается познание с философией на вершине, то в неклассических, особенно в антисубстанциализме, – творчество, и тоже, конечно, с философией во главе.

Очевидно, что отношение к философии как абсолютному (высшему) творчеству весьма отчетливо выражено, например, в некоторых работах Ф. Ницше и Р. Рорти. Так, Ницше прямо утверждает, что задача «истинного философа» требует, «чтобы он *создавал ценности*», что «*подлинные философы суть повелители и законодатели*; они говорят: “*так должно* быть!”, они-то и определяют “куда?” и “зачем?” человека… они простирают творческую руку в будущее, и все, что есть и было, становится для них при этом средством, орудием, молотом. Их “познавание” есть *созидание*, их созидание есть законодательство, их воля к истине есть *воля к власти*» [4, с. 336-337]. Рорти хотя и говорит дипломатичнее о роли философии как «скромной» и «не главной», все-таки тоже видит ее, ни много ни мало, в посреднической миссии между прошлым и будущим, в пророчестве о будущем, во «внедрении» идеалов будущего в общественную жизнь, в убеждении в них: «Если у нас, философов, все еще имеется своя специфическая задача, то это именно задача убеждения» [9, с. 31-34]. Что касается создаваемых философами высших ценностей, явно третирующих альтернативные ценности как низшие, вредящие человеку и культуре, они также достаточно четко сформулированы и Ницше, и Рорти. Такой ценностью, очевидно, является созданный Ницше идеал «сверхчеловека» как особого рода существ, в качестве руководителей человечества находящихся «по ту сторону добра и зла», которым «все дозволено» как невинным безотчетно действующим младенцам [6, с. 859; 7, с. 8-10, 19]. Таковым же, по сути, оказывается и предлагаемый Рорти идеал «философа-наставника», или «литературного интеллектуала», для которого важнейшим методом «убеждения» (управления культурой) является равнодушное к истине и обману постоянное обновление, «придумывание новых целей», «знакомство со многими другими способами человеческого существования» [8, с. 35; 10, с. 266, 280].

Более тонко абсолютный творческий статус философии утверждается Ж. Делезом и Ф. Гваттари, определяющими ее как «*творчество* концептов». Согласно французским мыслителям, не только философия имеет безусловно творческий характер, но в равной мере и наука, и искусство. В качестве хоть и разных, но равноправных и родственных в своей творческой силе видов деятельности философия, искусство и наука единой семьей противостоят стремящемуся к «порядку», религиозному по своему характеру, «мнению» как источнику «всех бед людей» [3, с. 14, 256-266]. Как «выбор неверного пути» религиозный исток метафизики оценивается и в концепции В. Т. Фаритова. По мнению этого современного исследователя, преобразования, связанные с отказом постметафизического неклассического философствования «от притязаний на познание универсальной истины», «свидетельствуют не о конце философии, но о достижении ее высшего пункта самосознания». Наконец-то философы осознали, что «базовая интенция собственно философского дискурса заключается не в познании, но в нейтрализации фиксированных бытийно-смысловых перспектив, в поисках и обнаружении возможных вариативных смыслов и способов бытия, отличающихся от установленных и общепринятых» [11, с. 127, 213-214]. Как видим, вновь утверждается исключительно творческая миссия философии, и хотя пафоса Ницше уже нет, в свете сказанного о «высшем пункте» философского самосознания, а также о том, что философия направлена на нейтрализацию «любых частных, “региональных” дискурсов», универсально-безусловный характер этой миссии напрашивается сам собой. Итак, переворачивая классическое соотношение между познанием и творчеством, антисубстанциализм отрицает высшее познавательное значение философии и наделяет ее статусом высшей (абсолютной) творческой деятельности.

Третий неклассический подход к проблеме когнитивности философии мы предлагаем называть научно-позитивистским, поскольку в его рамках действительно можно реализовать последовательный отход от привычных

для философов абсолютизаторских притязаний какого угодно толка. Данный подход, на наш взгляд, достаточно четко намечается в некоторых работах Ф. Ницше так называемого «позитивистского» периода («Человеческое, слишком человеческое», большая часть «Веселой науки»). Своему постоянному мировоззренческому антагонисту – традиции платонизма – немецкий мыслитель противопоставляет здесь так называемую «историческую философию», практически неотделимую от естествознания, использующую «строгие методы» в изучении «истории понятий и преобразования понятий» и удовлетворяющуюся «осторожными» истинами. Кроме того, Ницше говорит о необходимости раздельного, но все-таки мирного взаимодополняющего сосуществования религиозно-метафизического и научного мировоззрений. Фиксирует мыслитель и двойственность не только философии вообще, но и научной философии (науки), как в плане социальных функций («даятельница» благ и проблем), так и в плане формирования (религиозно-теологические и жизненные корни науки) [5, с. 233-635]. Как видим, научная философия предстает здесь вполне научным по своему характеру философоведением, то есть деятельностью, призванной скрупулезно исследовать мировоззренческую проблематику, в каком бы месте, времени и окружении она (эта проблематика) ни обнаруживалась бы. В религиозных ли догмах или философских учениях, в художественных ли композициях или научных понятиях (теориях), в суждениях ли здравого смысла или массовых стихийных волнениях – мировоззренческие, то есть смысложизненные, вопросы могут быть повсюду. Увы, намеченная мыслителем разносторонняя и глубокая трактовка философской деятельности, уже отказывающейся от притязаний на познание абсолютной истины и еще не дошедшей до понимания себя исключительно как высшего творчества всевозможных способов и смыслов бытия, по сути дела, была поглощена упоминавшимися выше абсолютизаторскими односторонностями других его работ, часто считающихся самыми «ницшеанскими».

В конституировании научно-позитивистской модели философии велика также роль некоторых идей М. Вебера, не декларируемых, правда, в качестве философоведческих, но, несомненно, являющихся таковыми. Во-первых, согласно Веберу, важно научиться четко «*различать* знание и оценочное суждение»; если же упрямо «пытаться объединить две указанные сферы, будет нанесен урон специфическому достоинству *каждой* из них» [2, с. 353, 559]. Под оценочным суждением, на наш взгляд, здесь необходимо иметь в виду такого рода суждение, которое претендует на абсолютную значимость своего предметного содержания, под знанием – знание, свободное от таких притязаний. Во-вторых, научная (*социальная*, в терминологии Вебера) философия – это только средство «дать человеку *знания*, которые помогут ему понять *значение* того, к чему он стремится», иначе говоря, средство, состоящее «не только в том, чтобы способствовать пониманию… поставленных целей и лежащих в их основе идеалов, но и в том, чтобы научить критически судить о них» [Там же, с. 349]. Другими словами, научно-позитивистское философствование неотделимо от научного стремления к критическому и самокритичному исследованию мировоззренческой, то есть смысложизненной, проблематики: как и в каких обстоятельствах соответствующие вопросы ставились и ставятся, как и с какими последствиями они решались, решаются и могут решаться. Наконец, в-третьих, абсолютизаторский (во всех своих формах и вариантах) и научно-позитивистский типы философствования должны рассматриваться в качестве равноправных, как в своем «достоинстве», так и в своей ограниченности: по Веберу, необходимо «признавать *неудобные* факты» [Там же, с. 725]. Дело здесь, несомненно, в том, что первому типу фатально недостает логической последовательности и обоснованности – научно-эмпирических преимуществ второго; второму, столь же неотвратимо, – возвышенной одухотворенности и величественной уверенности как особых привилегий первого.

Таким образом, научно-позитивистский подход в полной мере признает познавательную роль философии, но не всей, а только той ее части, которая представлена философоведческими концепциями научно-позитивистского, неабсолютизаторского характера. Эти концепции, как вообще любые научные концепции, настолько же когнитивные, насколько творческие. Исследуемая в них философская реальность – целостные мировоззренческие учения и отдельные мировоззренческие размышления – создается научно-позитивистскими философоведами при ее исследовании в такой же мере, как и реальность физическая, биологическая или психологическая при ее изучении соответствующими специалистами. Специфика этой философской реальности заключается в том, что она по большей части является книжной. Ведь нельзя познавать и создавать в общезначимом смысле, т.е. в научно-позитивистском смысле, реальность абсолютную – сверхэмпирические истины и сверхэмпирические ценности. Познавать и творить можно только эмпирическую реальность – относительные истины и относительные ценности. А эмпирическая мировоззренческая реальность – это реальность мировоззренческих произведений (текстов, высказываний) и никакая иная. Авторами и исследователями такой реальности, разумеется, могут быть не только научно-позитивистски мыслящие философы, но и философы-абсолютизаторы, однако все-таки только в те моменты (а их, вероятно, немало), когда они имеют дело с тем или иным абсолютом не как с подлинной (объективной) реальностью, а как с реальностью опять же эмпирически книжной и относительной, находящейся, так сказать, в руках другого философа, большего или меньшего единомышленника, но, пожалуй, чаще и обычнее – оппонента. Абсолютизаторская концепция, если она при этом создается, оказывается с научно-позитивистской точки зрения, конечно, неоднозначной и непоследовательной. И такое положение вещей – едва ли не самое распространенное в истории философской мысли.

Список источников

1. **Бергсон А.** Творческая эволюция / пер. с фр. В. Флеровой; вступ. ст. И. Блауберг. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001. 384 с.
2. **Вебер М.** Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

3. **Делез Ж., Гваттари Ф.** Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С. Н. Зенкина. М. – СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 1998. 288 с.
4. **Ницше Ф.** По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1998. Т. 2. С. 241-408.
5. **Ницше Ф.** Сочинения: в 2-х т. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1998. Т. 1. 832 с.
6. **Ницше Ф.** Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии. Воля к власти. Посмертные афоризмы / пер. с нем. Минск: Харвест, 2003. 1040 с.
7. **Ницше Ф.** Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1998. Т. 2. С. 5-240.
8. **Рорти Р.** От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 30-41.
9. **Рорти Р.** Философия и будущее // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 29-34.
10. **Рорти Р.** Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 320 с.
11. **Фаритов В. Т.** Трансгрессия и трансценденция как онтологические перспективы дискурса: дисс. … д. филос. н. Ульяновск, 2015. 318 с.
12. **Хайдеггер М.** Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.

PHILOSOPHY AS COGNITIVE ACTIVITY: NON-CLASSICAL APPROACHES

Tarasov Oleg Vladimirovich, Ph. D. in Philosophy
Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak
ovtarasov@mail.ru

The article examines the problem of the cognitive status of philosophy in the light of the basic non-classical approaches. The author identifies and analyzes three such approaches: anti-scientistic, anti-substantialistic and scientific-positivistic ones. The following conclusions are justified. Anti-scientism and anti-substantialism due to their absolutizing nature are axiologically and emotionally elevated but cognitively inefficient. The scientific-positivistic approach due to its empirical nature is axiologically and emotionally weakened but cognitively (and creatively) efficient, which means the cognitive status of philosophy can be adequately interpreted only within this approach.

Key words and phrases: cognitive status of philosophy; anti-scientism; anti-substantialism; absolutizing philosophy; scientific-positivistic philosophy; equality of types of philosophizing.

УДК 39(470.41)
Исторические науки и археология

Статья посвящена изучению состояния межэтнических отношений и актуализированности общегражданской идентичности в Республике Татарстан. На основании анализа результатов исследований, проведенных в I квартале 2017 г., авторы приходят к заключению, что оценка респондентами состояния межнациональных отношений в своем населенном пункте носит позитивный характер. Доминирующим типом гражданской идентичности для жителей республики является сдвоенная российско-татарстанская идентичность.

Ключевые слова и фразы: полиэтничность; межэтнические отношения; гражданская идентичность; этнические группы; межэтническое взаимодействие.

Титова Татьяна Алексеевна, д.и.н., профессор
Фролова Елена Валерьевна, к.и.н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Taniana.titova@rambler.ru; Elenaieup@mail.ru

СОСТОЯНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ I КВАРТАЛА 2017 Г.)

Республика Татарстан исторически является одним из полиэтничных регионов Российской Федерации. Современное состояние татарстанского общества характеризуется этническим, культурным, языковым и конфессиональным многообразием. Актуальность проблемы изучения ситуации в сфере межэтнических отношений определяется потребностями полиэтничного общества Республики Татарстан, поскольку межэтническое взаимодействие оказывает влияние на социальную структуру общества, повседневные поведенческие практики людей, политику государства.

Межэтнические отношения, являясь частью повседневной и профессиональной жизни людей, формируют широкий круг проблем, исследование и решение которых представляется перспективным и актуальным.

Современная этнологическая наука с особым вниманием подходит к проблеме формирования гражданской идентичности. Это, в первую очередь, связано с крупнейшими историческими событиями, произошедшими в жизни нашей страны в конце XX в. После распада СССР граждане нового государства, Российской Федерации, находятся в поиске альтернативной (само)идентификации. Одним из признаков этого процесса